

Он увидел Иерусалим изнутри

Слово о художнике
Александре Копеловиче

Савва Дудаков
(Иерусалим)

Вот и прошло четыре года с того дня, как не стало моего друга Александра Давидовича Копеловича. Ушел из жизни Человек и Художник. Ушел - так и не дождавшись открытия своей выставки в России. Уже были отправлены в Москву картины, напечатаны каталог и афиша. За два дня до отъезда он внезапно скончался. Выставка

состоялась - но художнику не дано было присутствовать на ней. Подобно Моисею, не смог он войти в Землю Обетованную...

*Все, чего с юности ранней не видывал,
Милое сердцу, ему улыбалось.
Тут ему Бог позавидовал.
Жизнь оборвалась...**

Александр Копелович родился 3 мая 1912 года в Петербурге в семье известного врача М.А.Хавина. В доме Копеловича сохранилась старая фотография: доктор Хавин в форме русского офицера (в царской армии врачам присваивалось офицерское звание, в том числе и врачам-евреям - даже если они отказывались принять крещение) - в окружении медицинского персонала Варшавского военного госпиталя. Начальником этого госпиталя он служил в начале первой мировой войны. После занятия Варшавы немцами доктор

*Из стихотворения Н.А.Некрасова "На смерть Шевченка".

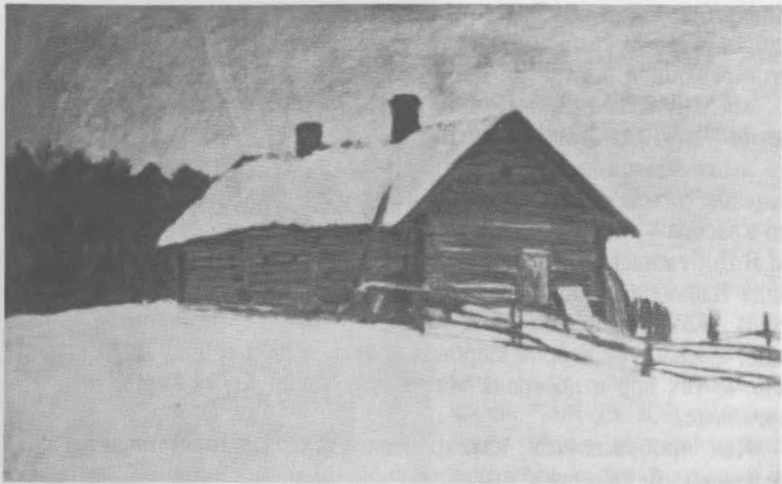
Хавин был послан в Туркестан на борьбу с эпидемией холеры и погиб, как выражались тогда, "смертью врача-героя", заразившись этой страшной болезнью. Было это в конце 1916 года.

Мать Александра - Полина (Паулина) Осиповна происходила из семьи Либо (из этого разветвленного семейного клана вышел один из выдающихся сионистских деятелей Артур Рупин, чьим именем названы улицы в разных городах Израиля). Была она необыкновенно красива - в этом легко убедиться, взглянув на ее портрет кисти М.В.Добужинского. Овдовев, Полина Хавина вышла замуж за Давида Наумовича Копеловича, который усыновил маленького Сашу.

В 1925 году семье Копеловичей удалось эмигрировать в Латвию, а накануне второй мировой войны, в 1939 году, - в Эрец-Исраэль. С тех пор и до конца жизни Александр Копелович жил в Иерусалиме.

Как пробуждается, как формируется талант художника? Два человека, безусловно, сыграли свою роль в становлении творческих пристрастий Александра. Один из них - его отчим Давид Копелович, страстный собиратель картин русских художников, другой - его учитель живописи Сергей Арсеньевич Виноградов. К роли Виноградова в судьбе молодого художника мы еще вернемся (как не раз возвращался к воспоминаниям о нем сам Александр), а сейчас, мне кажется, стоит немного подробнее рассказать о коллекции Копеловича-старшего, поскольку среди этих полотен рос будущий художник и - хотел он того или нет - должен был испытать на себе их воздействие.

Начало художественному собранию Давида Копеловича было положено еще в дореволюционной России. В годы пребывания в Латвии он продолжал интенсивно пополнять его. То, как удалось переправить эту коллекцию в Эрец-Исраэль, могло бы стать сюжетом приключенческого фильма. Расскажу лишь об одном эпизоде, известном мне со слов его непосредственного участника - брата Давида Виктора Наумовича Копеловича, живущего сейчас в Тель-Авиве. Груз (он включал в себя работы русских и западноевропейских мастеров, старинную мебель и антикварный фарфор) застрял в начале войны в Триесте и - как это ни удивительно - уцелел, несмотря на бомбардировки союзников и реквизиции военного времени. Виктору Наумовичу, который был тогда британским офицером, удалось в мае 1945 года на "студебекере" проникнуть в Триест, занятый югославскими партизанами, и в одном из пакгаузов отыс-

Зима. Масло. 1929 г.

кать заплombированный груз из Риги. Он сумел перевезти коллекцию в Неаполь, а оттуда морем ее отправили в Эрец-Исраэль.

Жемчужиной собрания являлся портрет "смолянки" Д.Г.Левицкого. Как известно, серия "смолянок" (воспитанниц Смольного института) была создана Левицким по заказу Екатерины II в 1773-1776 годах. Картина, принадлежавшая Копеловичу, числилась в каталоге одной из выставок, устроенных С.П.Дягилевым. Установить, какая именно из "смолянок" изображена на картине, сложно. Но ее прекрасные глаза и сегодня - сквозь двухвековую "патину" - светятся добротой и чистотой. Этой картине посвящена специальная работа искусствоведа Л.Маркиной "Загадка 'Неизвестной с розой'", опубликованная в журнале "Наше наследие"¹. Другое известное полотно в коллекции - "Пикник" В.М.Кустодиева, написанное, по-видимому, весной 1920 года. Александр Копелович особенно любил этого художника: может быть потому, что мир Кустодиева - это утраченный мир прошлого... Интересно представлен в коллекции М.В.Добужинский: кроме уже упомянутого портрета Полины Копелович, здесь хранится созданная им декорация к пьесе И.С.Тургенева "Месяц в деревне". Датируется эта работа скорее всего 1909 годом, когда К.С.Станиславский ставил этот спектакль в Художественном театре. Правда, художник неоднократно возвращался к

темам, навеянными тургеневской пьесой, и в 1912 и 1919 годах по мотивам "Месяца в деревне" написал еще несколько картин. В домашнем музее Копеловичей можно увидеть работы В.Д.Поленова, С.В.Жуковского, К.А.Коровина, А.С.Степанова, С.Ю.Судейкина. Были в коллекции и произведения В.А.Серова и Ф.А.Васильева, но, по завещанию отчима, они перешли к его второй жене.

Особое место и в собрании картин и, шире, - в духовном мире Александра Копеловича - занимал Сергей Арсеньевич Виноградов (1869-1938). Несколько великолепных работ академика живописи Виноградова, среди них - большое полотно "Ледоход на Двине" (1927), украшали иерусалимский дом его любимого ученика. Бережно хранились в семейном архиве письма Виноградова к матери Александра, в которых ее сыну предсказана блестящая будущность.

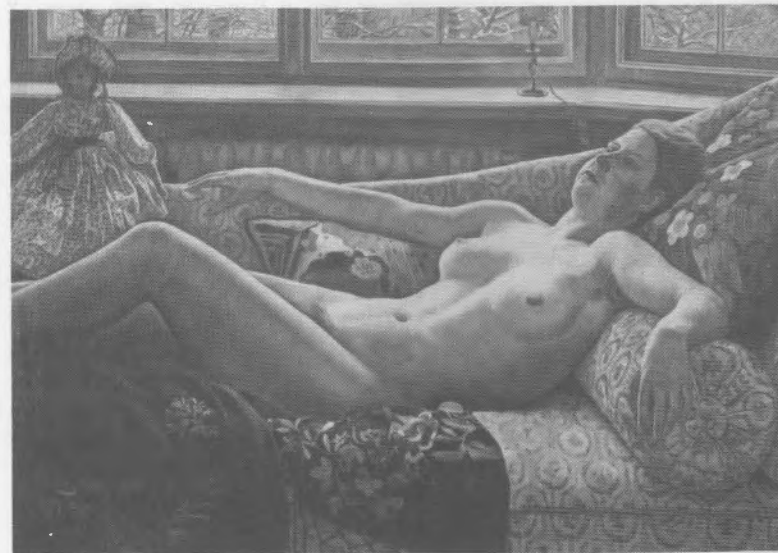
Александр Копелович был человеком громадной эрудиции. Достаточно сказать, что он свободно владел пятью европейскими языками и двумя семитскими - ивритом и арабским. Уже на склоне лет, имея деловые отношения с Югославией, он освоил еще и сербохорватский. Но на вопрос об образовании он должен был бы ответить: незаконченное среднее. Так в свое время ответил писатель Илья Эренбург девушке, заполнявшей опросный лист в связи с переписью населения. Девушка обиделась: "Вы надо мной смеетесь. Я читала Ваши книги". Но это было правдой: будущего писателя некогда исключили из гимназии. Александр Копелович свой "курс наук" тоже прошел не в гимназии - его школой стала студия Виноградова, которой академик с середины 20-х годов руководил в Риге, перенеся туда свой пятнадцатилетний опыт преподавания в Строгановском училище. Здесь Александр проучился шесть лет и впоследствии так вспоминал об этих годах: "Сергей Арсеньевич не только учил меня, как и чем писать и рисовать, то есть технике, 'кухне' живописи, но воспитал меня как художника и человека всесторонне. Он придавал этому гораздо большее значение, чем тому, что <...> снисходительно называл 'ремеслом'. Он считал, что настоящий художник должен быть эстетом и знать и любить все прекрасное. Художник должен быть чистым, честным, искренним. Все было важно Сергею Арсеньевичу: выбор книг, выбор друзей, образ жизни. Он никогда не навязывал нам свою манеру писать, свое мировоззрение. Но он 'открывал' ученикам то своего любимого Сислея, то рисунки Иванова и Рябушкина, картины Нестерова

и 'Ложу' Ренуара. Мы зачитывались его любимыми 'Очарованным странником' Лескова, 'Викторией' Гамсуна, повестью о 'Первой любви' Тургенева, 'Холстомером' и 'Смертью Ивана Ильича', 'Митиной любовью' (он особенно ценил Бунина) и Аксаковым. Сергей Арсеньевич ненавидел всякое позерство и кривлянье и требовал от своих учеников внутренней, художественной правды" (Из письма, посланного Копеловичем из Парижа в 1969 году Н.И. Станкевич, работавшей над книгой о Виноградове²).

И еще одно признание Александра Копеловича, сделанное им в конце жизни: "... У меня есть особая, личная причина любить все русское. После приезда в Ригу, я тринадцатилетним мальчиком начал учиться у большого русского художника академика С.А. Виноградова. У Сергея Арсеньевича не было детей, и он воспитал меня как собственного сына. Он открыл мне не только законы рисунка и колорита, но и богатство русской литературы <...>. Мы вместе любовались березами в инее и осенними мотивами в усадьбе в Латгалии <...>. Я всегда буду хранить память о моем любимом учителе и духовном отце Сергее Арсеньевиче"³.

Талант Александра Копеловича проявился рано. По свидетельству бывшего рижанина, ныне профессора Иерусалимского университета Д.Р. Тименчика, в дневнике Добужинского (Копеловичи и Добужинские были знакомы домами) есть строки о большом даровании "сына Копеловича". Это дарование проявилось уже в первых, представленных на суд зрителей и критиков работах, - на студийной выставке 1930 года. В 1935 году Александр едет в Париж, где продолжает свое художественное образование под руководством Оттона Фриеза. Он выставляется в Весеннем салоне и сразу же получает признание - его картина продана. В Париже он знакомится с Зинаидой Серебряковой⁴, которая пишет его матери письмо, предрекающее Александру большое будущее. Одновременно с занятиями живописью Копелович проходит курс по изготовлению красок в Академии художеств. Этот его интерес к изготовлению красок сыграет впоследствии особую, благотворную роль в его судьбе...

На каникулы Александр ездил из Парижа в Палестину. Собственно, он бывал здесь и раньше. Во всяком случае уже в 1934 году в журнале "Рассвет", издаваемом сионистами-ревизионистами во главе с Жаботинским в Париже, появилось несколько статей за подписью А. Копеловича. Собственному корреспонденту было едва

Обнаженная. Масло. Рига, 1939 г.

за двадцать, и со всей непримиримостью молодости он писал тогда в связи с процессом по делу об убийстве Арлозорова⁵: "Последним выстрелом по сионизму должен был быть приговор, который имеет целью обострить и надолго затянуть гражданскую войну в еврейском народе и в результате очистить путь для бесповоротной и окончательной ликвидации сионизма"⁶. Его статьи имели резонанс: их не только печатали в Париже и Риге (последнее можно объяснить тем, что отчим его в это время занимался в Риге издательским делом), но и перепечатывали в далеком Харбине - в выходящем на русском языке журнале "Га-Дегель".

В 1936-37 годах Александр Копелович бывал в Эрец-Исраэль регулярно - изъездил ее вдоль и поперек. Время было беспокойное, напоминающее сегодняшнюю "интифаду". Художественный критик профессор Василий Синайский писал: "Он в священной Палестине, пишет свои пейзажи и портреты, опять в шуме человеческой злобы, под выстрелами прямо из-за углов, рискуя своей жизнью, пишет евреев и арабов в их селеньях. Но воинственная душа араба чувствует, как дитя природы, что молодой художник не просто человек, а он - Божий избранник, и с восточным благоговением ко

всему божественному, она охраняет его и бережет, как мать...“ Простим профессору его наивную выпренность, но отметим здесь, что до конца своих дней Александр Давидович Копелович ратовал за израильско-арабскую дружбу - сам он сохранял самые дружеские отношения с арабскими рабочими и интеллигентами, всегда приглашал их на свои выставки, бывал гостем на их торжествах.

Два года неустанного труда дали свои плоды. Работы, сделанные в Эрец-Исраэль, были привезены в Ригу, где состоялась персональная выставка художника. В интервью, данном в связи с открытием выставки одной из газет, он рассказывал о трудностях работы в Палестине, о том, как боялись приходить в его мастерскую арабы, о немилосердной жаре, когда масляные краски “текут”, как водяные. И продолжал: “Истинное художественное произведение должно как можно полнее отражать душу художника, и если художнику это удается, то в его вещах никогда не будет пустых и скучных мест. И само его произведение уподобится старинной мозаике, составленной из драгоценных камней. А Палестина обязывает художника к такому подходу...”

К этой выставке Александр Копелович издал альбом “Еврейские портреты и пейзажи”, предисловие к которому написал профессор В.Синайский: “Художник идет своей дорогой, - утверждал он. - Палестина для него, прежде всего, - сама природа, ее душа, ее камни, ее белые, без крыш, домики, ее зелень деревьев с разнообразными кронами. Она - Палестина, как и тысячи лет тому назад, осталась той же извечно-мистической колыбелью великих дум и чудных песен, столь неподражаемо вдохновенно отображенных в Великой Книге человечества - в Священной Библии“. И далее: “Он искал характерного в своих оригиналах и передал бесспорно большое разнообразие еврейских типов, родиной предков коих была Палестина. Чувствуются почти во всех лицах необыкновенная подвижность ума, воли и сердца. Эти рисунки передают души людей, связанных духовно крепкими историческими узами с Палестиной. Глядя на некоторые из них, можно легко оживить в себе образ ветхозаветных пророков. Следует внимательно перелистывать альбомы, неспешно, чтобы почувствовать и здесь порывистую светлую душу самого художника, дисциплинированную, однако, современной культурой...”

Судя по всему, готовилось второе издание этого альбома, исправленное и дополненное. Оно не состоялось, о чем можно пожа-

леть вдвойне, поскольку этому изданию должно было быть предпослано предисловие великого историка Семена Марковича Дубнова⁷. Сохранилось лишь несколько фраз Дубнова, приведенных в анонсе, но и по ним можно судить о том, как высоко оценивал он работу Копеловича: “...Будучи писателем и ученым, я хочу указать на необходимость этого альбома с общественной и педагогической точек зрения... Сын нового поколения сможет исполнить старый завет: “Да увидят Твои глаза Твоих Учителей“.

Нетрудно предположить, что выставку Александра посетил его учитель Виноградов. Вероятно, именно тогда он написал о своем ученике: “Он весь в искусстве, в великой любви к нему... Он идет большим настоящим путем к идеалу утонченного, прекрасного, отмечая весь пошлый вздор, который иногда тоже принимают за искусство“⁸. Тогда, в январе 1938 года, семья Копеловичей последний раз сфотографировалась с Сергеем Арсеньевичем. В начале февраля его не стало...

Последняя выставка Александра Копеловича в Риге состоялась в 1939 году, когда в Европе уже полыхала война. Для художника начиналась новая страница жизни. Он и его жена Рей оказались в Иерусалиме без денег, без нужных специальностей (Рей была балериной). И тогда Александр решил в домашних условиях производить краски -годились знания, полученные в Париже. “Мы растирали с Рей краску пальцами, - рассказывал мне мой покойный друг.- Дома, в кухне, наполняли тюбики и затем продавали их“. Первыми покупателями были художники Блюм и Штейнгарт, которые, как они впоследствии признавались, никогда этими красками

А. Копелович. Фотография 1939 г.

не пользовались, выбрасывая их нераспечатанными, - их целью было поддержать своего собрата по искусству. Поначалу единственным потребителем своей продукции был сам художник. Но постепенно его краски привлекли к себе внимание и начали завоевывать рынок. Так родилась фабрика "Блюко" - название составлено из первых слогов фамилий компаньонов - Блюм и Копелович. С 1948 года фабрика производит краски для полиграфии, при ней создана экспериментальная лаборатория. Александр

Копелович оказался незаурядным химиком - он автор многих патентов на производство промышленных красок. С начала шестидесятых годов продукция созданного им предприятия уже экспортировалась в Данию, Грецию, Турцию, Югославию и даже в такую "химическую" страну, как Западная Германия.

Положение владельца крупнейшей на Ближнем Востоке фабрики промышленных красок освободило Александра Копеловича не только от изнурительной борьбы за кусок хлеба, но и позволило ему стать свободным художником в полном смысле этого слова - свободным от необходимости продавать свои картины, независимым от моды и высказываний политиканствующих невежд. Великий Генрих Шлиман полжизни потратил на приобретение "миллиона", а вторую половину - на поиск и открытие древней Трои. Копелович "раскроил" свою жизнь по-иному: с 6 до 11 утра он, по его ироническому определению, - "акула капитализма", но с одиннадцати - время принадлежало искусству. Каждый день - шел ли дождь, стоял ли хамсинный зной - живописец устраивался в своей мастерской напротив Дамасских ворот - и рисовал...

Художник долго выбирал место для своего ателье. Поначалу он работал неподалеку от Яффских ворот в старой - времен турецкого владычества - гостинице. В этой гостинице, как не без гордости любил сообщать Александр Давидович, некогда останавливался Иван Алексеевич Бунин (многие страницы "Весны в Иудее", так же как и стихотворение Бунина "Гробница Рахили", Копелович знал наизусть). Спустя годы художник нашел иное место для своей мастерской: в старом турецком доме напротив Дамасских ворот. С высоты третьего этажа открывалась перед ним дивная панорама Старого города. Но главным чудом были сами, неповторимой красоты, Дамасские ворота, через которые всегда льется красочный людской поток. Набожные евреи в огромных лисьих шапках и шелковых халатах стремятся к Стене Плача... Арабы в цветных

Вечер. Иерусалим. Масло 1944 г.

одеяниях спешат в мечеть, на рынок, домой - в узкие улочки... Идут христианские паломники, только что прошедшие по Виа Доллороса к Храму Гроба Господня... И тысячи туристов - со всех концов света... Весь этот пестрый, яркий, бесконечно разнообразный и постоянно меняющийся мир запечатлен на полотнах Копеловича.

Работать художнику в Старом городе в последние годы было опасно. В доме, где располагалось ателье, бывало, раздавались выстрелы, порой случались убийства. Но умолить Александра Давидовича оставить эту мастерскую не удавалось никому - ни жене, ни детям, ни друзьям. И то сказать, кто хоть раз побывал у него там, не мог не почувствовать, что с "горней высоты" его могла снять лишь смерть. Так оно и произошло: он скончался внезапно - у неподписанного холста в своей мастерской у Дамасских ворот...

И до Копеловича многие художники писали Иерусалим. Среди них были признанные русские мастера: В.Д.Поленов (один из его этюдов хранился в коллекции Копеловича), И.Я.Билибин, Л.О.Пастернак, В.В.Верещагин. Но - беру на себя смелость это утверждать! - никто из них не смог приблизиться к душе этого города. Никто - кроме Копеловича. Возможно, я излишне категоричен, но

именно поэтому хочу проиллюстрировать свою мысль поподробнее.

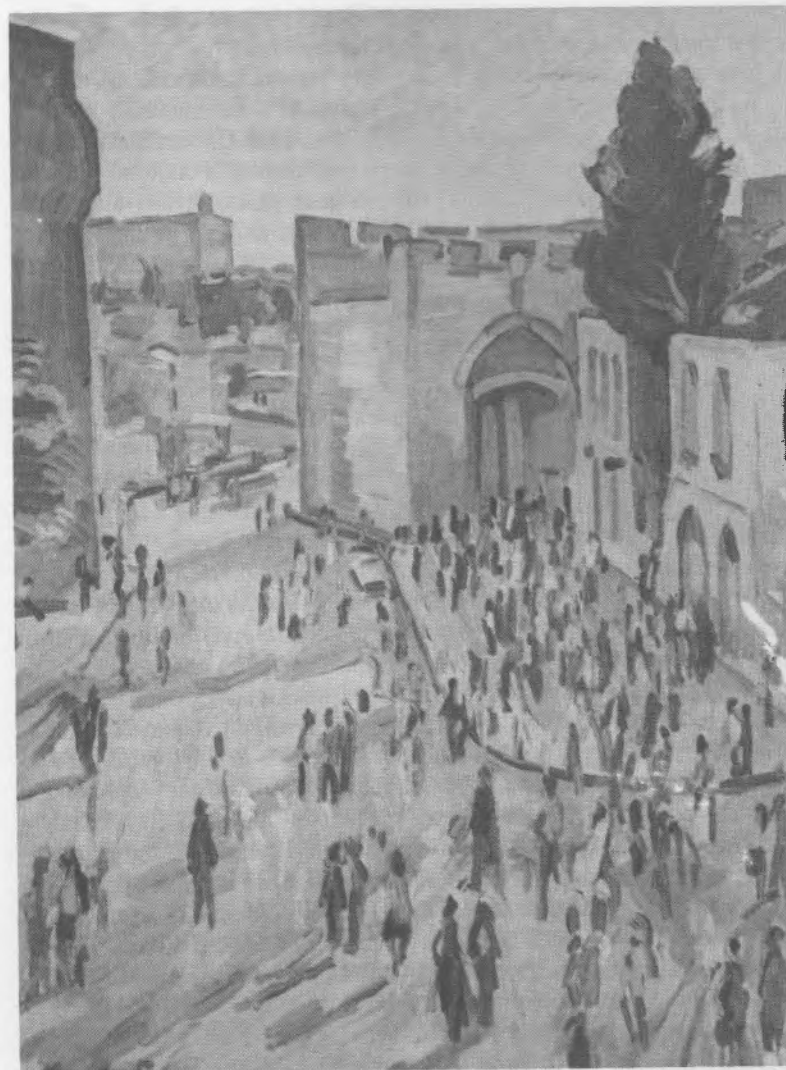
Трижды - в 1881, 1882 и 1899 годах - побывал на Святой Земле Поленов. Один из зачинателей русского "пленэра", он создал произведения, яркие световые и цветовые контрасты которых были новаторскими для своего времени. Напомню, к примеру, "Оливу в Гефсиманском саду". Л.О.Пастернак утверждал, что Поленов "глубоко зачерпнул" и, более того, "исчерпал до конца палестинский пейзаж"⁹.

Верещагин отправился в путешествие по Палестине в начале 1884 года, чтобы собрать материал для картины "Распятие на кресте у римлян". Возможно, поэтому большинство его этюдов палестинского цикла носило чисто этнографический характер. Хотя картина "Гробница королей в Иерусалиме" (Русский музей) отличалась по темпераменту от обычно суховатых работ художника: на полотне передано движение воздуха, игра солнечного света в контрасте с холодными тонами. Здесь уместно привести выдержку из венской газеты тех лет: "Верещагин - славянин; он русский до мозга костей. О чем думают, что чувствуют, чего хотят в обширной империи, то отражается <...> в его произведениях <...> Что и Палестина включена в будущие русские планы, тому служит свидетельством картина 'Русский госпиталь в Иерусалиме'... Побывав на священной земле, художник подчинил своему искусству эту землю и ее людей"¹⁰.

Билибин прожил на Ближнем Востоке пять лет - с 1920 по 1925 год. Здесь он впервые обратился к городскому пейзажу. Художник рисовал тихие улочки, восточная застройка которых веками оставалась неизменной. Рисовал он обычно как бы с высоты птичьего полета, что позволяло развернуть панораму домов с глухими стенами, плоскими крышами и глухими переходами ("В старом Иерусалиме", 1924).

В 1924 году в составе художественной экспедиции побывал в Палестине Л.Пастернак. Сделанные в этой поездке этюды отличаются верностью натуре и заостренностью. Таков, например, этюд "Палестина. Жара и ослик", где художнику удалось передать хамсинное марево, которое как бы поглощает очертания гробницы и всадника.

Как мы видим, у Копеловича были талантливые предшественники в его родной художественной школе - школе русской живописи. Но у него было громадное преимущество перед ними: он жил в этой стране и она открывала ему себя, как открываются только

Яффские ворота. Масло. 1971 г.

тому, кого знают и кому доверяют. Потому и дано было ему увидеть и показать Иерусалим как бы изнутри.

Святой город Александр Давидович рисовал полвека и, кажется, никогда не был удовлетворен созданным - на одной из последних выставок он представил картину "Уходящая Палестина", работа над которой была начата сорок лет тому назад. Я люблю все его работы иерусалимского цикла. Но как мне рассказать о них читателю? Как "пересказать" картины тому, кто их еще не видел? Попробую сравнить их с чем-то знакомым. Скажем, с произведениями Павла Кузнецова¹¹, чьи туркестанские полотна заинтересовали Александра Давидовича в конце 70-х годов, - в работах этих двух художников явственно звучат родственные мотивы. Есть нечто общее у живописи Копеловича и с таким далеким "предком", как Питер Ластман¹², учитель Рембрандта: сравните ту же "Уходящую Палестину" с "Возвращением Авраама в Ханаан".

Никому, кроме Копеловича, не дано было так передать смену красок иерусалимского пейзажа в разное время дня - от первых лучей солнца и до заката. Невозможно забыть этюды, запечатлевшие цветение миндаля: переходы оттенков - от белого до почти лилового. Вот серия этюдов, сделанных у Масличной горы, когда сквозь цветущий миндаль просматривается луковичный купол церкви Марии Магдалины... А иерусалимское небо на полотнах Копеловича в первое мгновение поражает неожиданностью: оно - серое, а не "вечно-голубое", каким, в соответствии с расхожим эпитетом, мы привыкли его себе представлять. В нем ощущается дыхание Иудейской пустыни. А знакомое нам по картине Александра Иванова "Явление Христа народу" вечноголубое небо Палестины - это... небо Италии, равно как и ивановский миндаль тоже итальянского происхождения (на Святой земле Иванов не бывал, хотя в скобках заметим, что знал он древнееврейский язык, часто посещал римские синагоги в поисках типажей для своего монументального полотна, и евреи, бывало, принимали его за своего соплеменника). Лично мне иерусалимское небо Копеловича чем-то напоминает серое петербургское небо, а в стенах вечного города на его полотнах нет-нет да и проглянет вдруг знакомый с детства силуэт Петропавловской крепости (это мое восприятие, конечно, очень субъективно, но есть у него и оправдание: стены Иерусалима были возведены в XVI веке итальянскими мастерами, башню Давида так и называли - Пизанская башня, а из какой страны происходили зод-

чие Петербурга - мы тоже знаем).

Копелович никогда не ставил перед собой в живописи ширококомасштабных задач. Где бы ни писал он - против Дамасских ворот или в Булонском лесу (а он по несколько раз в год приезжал во Францию и много рисовал в Париже и Париж) - всюду и всегда его кисть отображала только то, что было ему близко и дорого. Но дыхание мира неотвратимо врвалось в его полотна. Перед нами "Портрет жены", выполненный в 1942 году,

Портрет С. Ю. Дудакова с надписью "Савелию Юрьевичу на добрую память от Копеловича. Иерусалим, 1979 г."

когда немцы были на Волге, а войска Роммеля - на египетской границе. Одинокая женщина в кресле-качалке спиной к зрителю. Ее фигура словно теряется в квадратах белого холодного пола. Ощущение тревоги и неуверенности в будущем охватывает нас, и художник добивается этого, не прибегая, казалось бы, ни к каким сильнодействующим средствам. А вот другой портрет жены, написанный совсем в иное время и навеянный стихотворением Н.А.Заболоцкого "Жена". Усталое, одухотворенное лицо много пережившей женщины - и, взгляды-ваясь в него, я читаю повесть о любви и всепрощении...

Как художник, воспитанный в традициях русской школы, Копелович во главу угла всегда ставил не "как", а "что". Так, во всяком случае, говорил о своих принципах он сам. Но мне кажется, его определение не совсем точно: просто для него, столь свободно владеющего ремеслом, уже не существовало проблемы "как". Само слово "ремесло" он не жаловал и заменял его другим - "профессионализм". Однако при этом любил цитировать Каролину Павлову¹³: "Моя напасть! мое богатство! мое святое ремесло!"

Копелович часто повторял, что он продолжил ту линию русской живописи, которую начал Крамской, развил его ученик Поленов,

затем - ученик Поленова Виноградов, а теперь он - ученик Сергея Арсеньевича. Но русско-израильского еврея Александра Копеловича считают своим художником и французы - как Пикассо, как Шагала...

Тут мне хочется сделать небольшое отступление. Когда Марк Захарович Шагал приезжал в 1961 году в Израиль, он высоко отзывался о творчестве Александра Копеловича. Тогда же произошел любопытный инцидент. Хайфский муниципалитет устроил торжественную встречу прославленному художнику. Именитый гость стремительно влетел в зал, мгновенно оглядел присутствующих и на виртуозном идише обратился к ним: "Посмотрите на этого идиота! В 1921 году он отказался купить у меня иллюстрации к 'Мертвым душам' Гоголя. Я просил сто червонцев, а он пожалел. А сейчас это стоит сотни тысяч долларов!" Этим "идиотом" был Давид Наумович Копелович. Александр Давидович так комментировал этот эпизод: "Как же больно должно было быть художнику, чтобы даже через сорок лет он узнал своего 'обидчика'. Но у отца было всего сто червонцев, и он колебался. Они были потрачены на 'Смолянку' Левицкого. Я не жалею о выборе отца."

Признание пришло к Александру Копеловичу, можно сказать, в самом начале его творческого пути. Еще перед войной критика отмечала его "художественный дар", "оригинальность и художественную самостоятельность". И с годами слава не отвернулась от него. В 1980 году он вошел в число лучших пятидесяти художников Франции, чьи работы были представлены на международной выставке в Осаке, и именно его картина была удостоена там особой награды. В 1983 году он получил от Международной ассоциации искусств в Нью-Йорке диплом, которого до нынешнего времени удостоились лишь несколько десятков художников. Его выставки проходили в Иерусалиме и Тель-Авиве. Его работы экспонировались в лучших галереях Парижа. Они совершили кругосветное путешествие - от Америки до Японии. А он всю жизнь мечтал о выставке в России. И умер накануне ее открытия...

Выполняя его последнюю волю, Рей Моисеевна Копелович передала картину Д.Г. Левицкого и две живописные работы Александра Копеловича "Иерусалим. Старый город" и "Улица в Иерусалиме" в дар русскому народу.

Слово о моем друге художнике Александре Копеловиче я бы хотел завершить строками Афанасия Фета:

*Не жизни жаль с томительным дыханьем,
Что жизнь и смерть? А жаль того огня,
Что просиял над целым мирозданьем,
И в ночь идет, и плачет, уходя.*

Примечания

1. Наше наследие. М., 1991. №4. С.137-139.
2. См.: Станкевич Н. Сергей Виноградов. Л.: Искусство. 1971. С.108.
3. См.: Художник и его собрание. М.: Сов. художник. 1990.
4. Серебрякова Зинаида Евгеньевна (1884-1967) - русская художница, дочь скульптора Е.А. Лансере, член "Мира искусства", автор получивших мировое признание картин "За туалетом", "Жатва", "Беление холста" и др.
5. Арлозоров Хаим (1899-1933) - один из руководителей сионистского рабочего движения. Был убит в Тель-Авиве во время прогулки по берегу моря. В его убийстве были обвинены члены ревизионистской партии, впоследствии оправданные за недостаточностью улик.
6. Рассвет. Париж, 1934. №12. С.4.
7. Дубнов Семен (Шимон) Маркович (1860-1941) - еврейский историк, публицист и общественный деятель, автор монументального труда "Всемирная история еврейского народа".
8. Цитируется по статье Софьи Рубашевой "Блюко"// Наша страна. Тель-Авив, 1969, 25 дек.
9. Пастернак Л.О. Записки разных лет. М.: Советский художник. 1975. С.92-93.
10. Цитируется по монографии Лебедева А.К. В.В. Верещагин. М.: Искусство. 1972. С.341.
11. Кузнецов Павел Варфоломеевич (1878-1968) - русский живописец. Его поэтичные, декоративно-обобщенные по цвету полотна посвящены Востоку, в частности Средней Азии ("Мираж в степи", 1912; "Отдых пастухов", 1927 и др.).
12. Ластман Питер (1583-1633) - голландский живописец, автор композиций на мифологические и библейские темы.
13. Павлова Каролина Карловна (1807-1893) - русская поэтесса и переводчица.